

Жаба-связной опередила всех, принесла вести в Башню Хокаге. Стоило в дверь кабинета постучать, как двое присутствующих и сам Хокаге мгновенно подобрались, натянувшись словно струны.

Крепко сжав в пальцах кисть, Минато произнёс:

— Войдите.

Дверь отворилась. Вошедший мужчина выглядел так, словно преодолел долгий путь: его серебристые волосы и плащ были припорошены пылью. Однако вид у него был довольный — миссия явно увенчалась успехом. Сакумо положил на стол Хокаге свиток.

— Задание выполнено, Четвёртый. Мятежники в Стране Волн разгромлены, а даймё Страны Листьев согласился на мир. В знак дружбы между нашими государствами он отдаёт свою младшую сестру замуж.

— ...Понимаю. Спасибо за службу, Сакумо-сан.

— Кстати, у этих бунтовщиков я кое-что забрал... — Сакумо, будто вспомнив о чём-то приятном, достал из сумки два небольших свитка и тепло улыбнулся. — Кусина, ты ведь в последнее время безвылазно сидишь дома, скучаешь? Тут описано несколько редчайших фуиндзюцу, я и сам толком не разобрался. Даймё Волн разрешил забрать их... Тебе должно быть интересно... Что с вами?

Он наконец заметил гнетущую тишину, царившую в кабинете. Его взгляд скользнул по опухшим от слёз глазам Кусины, спустился к понурившемуся Итачи и замер на Минато. Лицо Сакумо тронула тревога.

— Я... помешал вам? Что произошло?

— На самом деле... — с трудом выдавил Минато. — Вчера в Коноху проникли двое из Рассвета. Обито с Сисуи первыми заметили их. Получив сигнал, на подмогу подоспели Какаси и Итачи. Завязался бой у южной реки, и...

Сакумо мгновенно напрягся:

— Какаси ранен? Насколько всё серьёзно? Он в госпитале?

— Нет. Какаси... погиб при исполнении.

В кабинете воцарилась мёртвая тишина. Сакумо отступил на шаг. Его глаза широко раскрылись, а лицо стало абсолютно белым, застывшим — он будто не знал, как реагировать на

эту дикую, обрушившуюся на него весть.

—...Вот как, — лишь спустя долгое время тихо проговорил он. — И... где он сейчас? В морге? Когда я смогу забрать его домой?

Итачи опустил голову ещё ниже. Кусина прикрыла рот ладонью, тихо и прерывисто всхлипывая.

— Его... — Минато не находил сил встретиться взглядом с убитым горем отцом. Он смотрел на лежащие перед ним бумаги, и голос его дрожал. — Его забрал Тоби. Простите, Сакумо-сан... Мы опоздали.

Тяжёлое, давящее молчание накрыло кабинет. А затем Сакумо сделал шаг — неловкий, тяжёлый — и направился к окну.

— Сакумо-сан... — поднял голову Минато.

— Простите мою дерзость, Господин Хокаге, — не оборачиваясь, Сакумо вскинул руку, останавливая его. — Я только что с дороги, вымотался. Позвольте мне отдохнуть... Немного. Совсем немного.

— Разумеется, — поспешно ответил Минато. — Когда будете готовы, пришлите свою собаку-призыв. Я передам с ней подробный отчёт.

— Благодарю.

Сакумо взобрался на подоконник. Он толкнул створку, собираясь выпрыгнуть, но замер.

И когда он обернулся, всех троих в кабинете пробил ледяной озноб.

Глаза мужчины покраснели, но слёз в них не было. На лице царило страшное, неестественное спокойствие, а в глубине зрачков бушевала неукротимая жажда крови и дикая, нечеловеческая скорбь.

Перед ними стоял не добродушный, мягкий Сакумо, всегда готовый прийти на помощь младшим. Это был Белый Клык Конохи. Воин, прошедший через ад двух Великих войн, одно имя которого и короткий меч наводили ужас на пять Великих Наций.

Волк, потерявший детёныша, превращается в беспощадного зверя.

— Если узнаете хоть что-то о местонахождении Рассвета... сообщите мне первому.

Покинув Башню Хокаге, Итачи направился напрямиком в госпиталь Конохи.

Палата Сисуи находилась на четвёртом этаже. У двери Итачи столкнулся с несколькими сородичами из клана Утиха. Те обменялись многозначительными взглядами и молча удалились по коридору.

Итачи постучал:

— Сисуи, это я.

—...Заходи.

Итачи вошёл. Сисуи сидел на койке — бледный, осунувшийся. Алый свет в его глазах только-только угас, сменившись привычной чернотой.

— Как ты? — спросил Итачи, присаживаясь на стул у кровати.

— Нормально. А у тебя как дела?

— Учитель Минато уже сообщил Сакумо-сану о гибели капитана.

—...Вот как, — выдохнул Сисуи. Он устался на спинку кровати и сжал пальцы в кулаки до побелевших костяшек. — Итачи, я...

— Хватит, — отрезал Итачи, не дав ему договорить. — Я знаю, о чём ты думаешь. Выбрось эту дурь из головы. Капитан погиб не по твоей вине. Ни ты, ни Обито в этом не виноваты. Вся вина лежит на Тоби — это он всё устроил. Единственное, что мы можем сделать для Какаси, — уничтожить Рассвет и заставить Тоби заплатить за всё сполна.

—...

— Не торопи события, Сисуи, — Итачи накрыл его кулаки своими ладонями, смягчив тон. — В этот раз мы недооценили врага. Господин Четвёртый уже отзывает сильнейших шиноби с миссий и отправил Дзирайю-саму на поиски госпожи Цунаде. В деревне введено чрезвычайное положение. В следующий раз такое не повторится. К тому же Рассвет вряд ли проявит себя так быстро. Выздоровливай. А Обито... ему нужно время.

—...Я понял, — Сисуи тяжело выдохнул и разжал пальцы, охватив ладони Итачи в ответ. — Если выкроишь минутку, наведай Обито. И ещё... Хотя нет, неважно.

Итачи не стал расспрашивать и лишь кивнул.

— Тогда я пойду. Господин Четвёртый временно назначил меня исполняющим обязанности командира Спецназа, нужно разобраться с бумагами. Вечером родители привезут Саске, тогда и увидимся.

— Угу.

Итачи поднялся и вышел. Едва за ним закрылась дверь, как из коридора донеслось:

— Итачи!

Он обернулся. К нему приближались те самые сородичи, что только что вышли от Сисуи.

— Что-то случилось?

Они переглянулись, и шедший впереди спросил с явным любопытством:

— Слушай... мы тут слышали, что Обито пробудил Мангекё Шаринган?

Итачи нахмурился:

— И что с того?

Получив косвенное подтверждение, сородичи обменялись взглядами, в которых сквозила смесь досады и откровенной зависти.

— Так это правда?! — заговорил первый, сделав шаг вперёд. — А ты знаешь, какова его способность? Впрочем, неважно, в войне с Рассветом любой Мангекё пригодится! Надо же, кто бы мог подумать, что этому недотёпе так фартанёт...

Он не успел договорить. Итачи мгновенно оказался перед ним вплотную.

Лицо юного Утихи было темнее тучи. Мужчина от неожиданности ойкнул и отшатнулся на пару шагов.

— Передайте остальным: пусть не смеют распускать языки при Обито, — произнёс Итачи тихо, но в его голосе отчётливо слышался рокот надвигающейся бури. — Он добрый и не станет с вами связываться. Но я... — Его глаза вспыхнули алым, и три томоэ в них хищно закружились, — не так великодушен.

— П-поняли! — испуганно выдавили сородичи и, не оглядываясь, бросились прочь по коридору.

Итачи провел их холодным взглядом. В этот момент дверь соседнего кабинета открылась.

— Спасибо тебе, Итачи-кун, — раздался усталый голос.

На пороге стояла Рин. Бледная, измождённая, с темными кругами под глазами — казалось, она не спала вечность.

Итачи покачал головой:

— Я лишь делаю то, что должен, Рин-сенпай. Но... этот барьер Обито придётся преодолеть самому.

Рин опустила голову. Пальцы сжали полы белого халата, плечи слабо задрожали.

— Мне пора. Позаботьтесь о Сисуи, — Итачи вежливо поклонился и исчез в клубах белого дыма.

Рин прислонилась к дверному косяку и судорожно вздохнула. Она подняла глаза к окну в конце коридора, откуда открывался вид на скалу с ликом Четвёртого Хокаге.

Команда Минато...

Она едва заметно моргнула, и слёзы вновь покатались по её щекам.

К кварталу клана Утиха Рин добралась уже в сумерках.

Внезапная атака Тоби и Кисаме подняла на ноги всю Коноху. Службы безопасности работали на пределе, и Полиция Конохи патрулировала каждый переулок. По пути Рин то и дело встречала взрослых Утиха — все они куда-то спешили с подчёркнуто суровыми лицами.

Дом Обито находился на самом краю квартала. Окна были плотно задернуты, внутри не горел свет.

Рин постучала. Тишина.

— Обито? — сердце сжалось от дурного предчувствия, и она застучала сильнее. — Это Рин! Ты

дома? Открой!

Никакого ответа. Не выдержав, Рин дернула дверную ручку — и дверь неожиданно поддалась.

Не заперто?..

Она шагнула внутрь. В нос ударил слабый, застоявшийся запах крови. Из-за плотных штор в прихожей царил полумрак. Рин наощупь нашла выключатель, и под потолком тускло вспыхнула лампочка.

Разглядев обстановку, Рин замерла. Слёзы мгновенно застлали глаза.

— Обито...

Тот, кого она искала, сидел прямо на полу в коридоре. Рин вспомнила: вчера поздно вечером они с Кусиной довели его до дома. Шагнув за порог, Обито просто сполз по стене, и как они ни пытались его поднять, он не реагировал. В итоге, убедившись, что на нём лишь царапины, они решили оставить его одного, дав время прийти в себя.

Но, похоже, с тех пор Обито даже не шелохнулся. На нём всё ещё была вчерашняя одежда с побуревшими пятнами запёкшейся крови.

Черноволосый партизан сидел, поджав колени и уткнувшись в них лицом.

Рин видела его таким лишь однажды — когда им было по пять лет. В годовщину гибели его родителей клановые мальчишки дразнили Обито безотцовщиной и сиротой. Завязалась драка, и его избили толпой. Какаси тогда разбросал обидчиков в два счёта, а когда Рин попыталась поднять Обито с земли, тот вспылil, вырвался и убежал.

Они нашли его дома — он точно так же сидел на полу, сжавшись в комок. Рин долго уговаривала его заговорить, пока Какаси не потерял терпение и силой не заставил его поднять голову. Измазанное слезами лицо горело огнём, а сам Обито всхлипывал и упрямо твердил:

«Вот открою Шаринган... я им всем покажу!..»

А теперь Какаси нет.

Рин опустилась на колени рядом с ним. Она обняла его, уткнувшись носом в окровавленное плечо, и безнадежно зарыдала:

— Обито, не надо... Пожалуйста... Мы уже потеряли Какаси, ты не можешь... Все... всё

наладится, слышишь? Ты должен держаться... мы все должны...

Слова застряли в горле. Она сама не верила в то, что говорит. Их было трое. Двадцать лет вместе — не просто команда, а семья, спаянная крепче кровных уз. Команда Минато была идеальным, замкнутым кругом, где каждый дополнял другого.

Теперь этот круг разбит.

«Всё наладится» — лишь жалкая ложь. Время утихомирит боль, но эта рана не заживёт никогда.

Тёплая рука легла Рин на спину и слегка погладила.

— Не плачь, Рин, — раздался над её ухом голос Обито. Хриплый, сухой, совершенно лишённый эмоций.

Рин осеклась и подняла голову. Обито смотрел не на неё — его взгляд застыл на противоположной стене.

— Я сидел тут и думал... — медленно произнёс он. — Вспоминал всё, что произошло вчера. И наконец понял.

— Что... понял?

— Что имел в виду Какаси. Он сказал: «Если всё равно умирать, лучше умереть с пользой». Я думал, он просто хотел забрать Тоби с собой с помощью Райкири... Но всё оказалось куда сложнее.

Глаза Рин округлились:

— Ты хочешь сказать...

Обито не ответил. Он мягко отстранил её, поднялся, опираясь о стену, и пошёл в спальню. На ходу он расстегнул жилет джонина и бросил его на пол.

Рин поднялась следом, чувствуя, как земля уходит из-под ног:

— Ты думаешь, Какаси сделал это ради...

Обито снимал окровавленную водолазку. Услышав её вопрос, он остановился и обернулся.

В полумраке комнаты его глаза вспыхнули зловещим алым светом. Три томоэ причудливо вытянулись, сливаясь в новый, невиданный узор.

— Да, — тихо проговорил он. — Ради этих глаз. Какаси понимал: если он не ринется в атаку, мы все четверо погибнем. Даже подкрепление не успело бы. Но подставившись сам, он хотя бы тяжело ранил Тоби. А если бы я при этом пробудил Мангекё... у нас появился бы шанс. Я смог бы защитить себя, Сисуи и Итачи. И Тоби действительно сбежал.

Он чуть прищурился:

— Видишь? Этот идиот просчитал даже то, что будет после его смерти. В его духе, правда?

Рин лишь беспомощно всхлипнула. Она отступила к стене, сжав губы до крови.

Алые глаза Обито вновь стали чёрными. Он подошёл к шкафу и достал чистые вещи.

— Когда я это понял, всё стало предельно ясно. Какаси выбрал меня. Он доверил мне будущее, потому что верил, что я справлюсь. Если кто и должен уничтожить Тоби — то только я.

— И я не подведу его.

В комнате установилась тишина, нарушаемая лишь шуршанием одежды. Раздался тихий щелчок — Рин подняла заплаканные глаза и увидела, что Обито положил свой протектор на стол. Он переоделся в дорожное и накидывал на плечи тёмный плащ.

— Уже поздно... Куда ты собрался? — дрожащим голосом спросила она.

— Какаси решил свалить на меня весь этот груз и спокойно уйти? Ну уж нет, — спокойно ответил Обито. — Какой смысл в мести, если этот Какаси не увидит, как я собственными руками прикончу Тоби?

В его легком тоне чувствовалось такое дикое, леденящее душу упрямство, что у Рин перехватило дыхание.

— Ты... ты хочешь в одиночку отправиться в логово Рассвета и забрать его тело?!

Обито толкнул створку окна. На её слова он лишь на секунду замер, ничего не ответив.

— Не сходи с ума! — Рин приняла его молчание за утверждение. — В Рассвете не один Тоби! Даже с Мангекё ты не справишься со всеми! К тому же ты даже не знаешь, где они... Обито, вернись!

Увидев, что он встал на подоконник, Рин бросилась к нему.

Обито резко обернулся. Их взгляды встретились.

В его зрачках вновь закружился Мангекё Шаринган, мгновенно сработало гендзюцу.

— Ты... не... ходи... — сознание Рин подёрнулось пеленой, ноги подогнулись.

Обито подхватил её на руки и бережно уложил на кровать.

Проваливаясь в небытие, она успела услышать лишь тихое:

— Прости.

В то же самое мгновение. Пространство Камуи.

Гигантская, невероятно сложная печать покрывала всю каменную платформу. В самом её центре на спине лежал обнажённый по пояс Какаси. Светившиеся символы сходились к его груди.

На месте сквозной раны от чёрного штыря белела плотная биомасса, которая медленно, пульсируя, затягивала разрыв.

Тоби и три его теневых клона сидели по четырём углам печати, сложив ладони в ритуальном знаке. Хотя в измерении Камуи не было ни жары, ни холода, все четверо были бледны как мертвецы и покрыты градом пота.

Целые сутки непрерывной концентрации и колоссального расхода чакры истощили бы кого угодно. Даже обладателю крови Утиха и клеток Хаширамы этот ритуал давался с трудом. Но на лице мужчины не было и тени сомнения — он лишь неотрывно смотрел на лежащего в центре синоби.

Наконец, бурление белой массы замедлилось.

Какаси, до этого не подававший признаков жизни, слабо вздрогнул и тихо, едва слышно застонал во сне от боли.

Для Тоби этот тихий стон прозвучал как шум распускающегося цветка жизни.

<http://bllate.org/book/19560/1933719>